

терминов и объём знаний античного мира о стране и её людях, 3) эфиопская тема в античной мифологии, 4) некоторые аспекты этнокультурных контактов с «эфиопами» и проблемы восприятия «эфиопов» античным миром.

1. ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК ЭФИОПОВ ПО АНТИЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Греки и римляне знали много о физических особенностях людей, которых называли эфиопами. Античные авторы достаточно детально описывали физический тип эфиопов, неустанно типизируя и обобщая свои повседневные впечатления и многочисленные, протяжённые во времени свидетельства предшественников. Не менее весомый вклад в формирование представления о физическом облике эфиопов внесли античные художники, тщательно отработывавшие и запечатлевшие в памятниках изобразительного искусства различных жанров (невербальных источниках) образ коренных обитателей Африки. Рассматриваемая проблема в целом уже достаточно давно вошла в сферу внимания современной науки. Однако, как справедливо отметил автор солиднейшего исследования о «чёрных в античности» Ф.М. Сноуден, удивительно, что современные учёные часто игнорируют античные воззрения на эфиопов, даже верно упоминая об отсутствии в античном мире биологических и «цветовых» предрассудков, но привлекая недостаточное количество материалов в поддержку своих наблюдений¹. Между тем недостаточно полный учёт и привлечение вербальных и невербальных материалов приводят к спорным выводам в трактовке античных описаний. Так, опираясь на выхваченное из большого литературного и материального контекста эпохи изолированное свидетельство Агатархида о том, что у греков уже в детстве проявляется боязнь по отношению к эфиопам (Agat. De Mari Erythraeo 16 = GGM I, 118), немецкий этнолог Диле пришёл к совершенно ошибочному и не подтверждаемому другими материалами выводу о том, что в классической античности существовала «младенческая» философско-психологическая теория, которая рассматривала чёрную кожу как неприятную и угрожающую. Не говоря уже о том, что мнение это является одинаково дискредитирующим как для носителей античной культуры, так и для чернокожих эфиопов, само оно ещё и абсолютно спорно в свете греко-римского образа эфиопов, который базируется на многочисленных примерах диаметрально противоположного характера в отношении людей античного мира к цвету кожи «эфиопов». Вообще главной опасностью, подстерегающей исследователя этой проблемы, является вольная или невольная модернизация, связанная с переносом современных идей и взглядов на античность и недоучётом всей совокупности свидетельств, дошедших до нашего времени. Сказанное в равной мере

относится и к интерпретации невербальных источников, прежде всего материалов изобразительного искусства греков и римлян, в которых удельный вес африканских мотивов (в том числе огромное количество различного характера изображений африканцев) был чрезвычайно велик. Так, хорошо известно, что античное изобразительное искусство не только выработало на протяжении своего существования определённый канон изображения африканца, достаточно точно отображающий наиболее характерные черты его физического облика, но и создало огромное количество изображений утрированного характера (когда художник сознательно преувеличивал или искажал те или иные черты натуры, подчиняясь всякий раз совершенно определённой задаче: например, значительна группа итиофаллических изображений, имеющих отношение к культовой практике и апотропеической магии; столь же часто чрезмерно преувеличивали некоторые черты лица — губы, ширину носа и т.п., стремясь таким образом подчеркнуть антропологические особенности африканского типа). Важно отметить, что эта группа изображений не была рассчитана на достижение специального комического эффекта, хотя в античной художественной традиции образ эфиопа нередко использовался и как персонаж комического жанра². Именно как следствие модернизации следует понимать ошибочную интерпретацию некоторыми, даже очень серьёзными исследователями такого рода изображений как карикатурных или свидетельство того, что в африканском физическом облике видели некое уродство, достойное осмеяния³. На деле же в этих сюжетах отражались лишь острый интерес античного художника к экзотическому человеческому типу, научные интересы времени и идеологические задачи искусства (в частности, магико-религиозные).

Ещё один пример показывает, как игнорирование всей совокупности невербальных — археологии, антропологии, памятников изобразительного искусства — и литературных источников может привести к ошибочным выводам в интерпретации какого-то одного, пусть даже интересного источника и нежелательному эффекту преувеличения столь частых во времена античности фантастических фактов или объяснений. Так, некоторые комментаторы Петрония, опираясь на одну фразу из «Пира Тримальхиона» (Petronius. Satyricon, 34), заключили, что в Карфагене нельзя было увидеть «длинноволосых эфиопов», во-первых, потому что их не существовало, а во-вторых, потому что североафриканские области были слишком удалены от негроидов Центральной Африки и контактов между ними не существовало⁴. Между тем из изобразительного искусства нам хорошо известны эфиопы-скапилатты — «длинноволосые эфиопы», что же касается самого факта присутствия негроидов не только в глубинных районах континента, но и в других районах Африки и греко-римского мира с самой глубокой древности и наличия непресекавшихся никогда контактов античной Эфиопии с севером Африки и Средиземноморьем в целом, то и археология

и множество письменных источников с абсолютной доказательностью этот факт подтверждают. Таким образом, только опираясь на весь корпус источников по истории и этнографии Африки, можно с большой долей точности установить, какой физический тип имели в виду древние, используя слово «эфиоп».

Прежде всего логично обратиться к уточнению наиболее ярко выраженной характеристики эфиопов в греческих и римских описаниях и изображениях, а именно — цвету кожи, сразу противопоставлявшему тёмнокожих коренных обитателей Африки светлокожим средиземноморцам и объединявшему их в отдельную, сразу отличимую группу людей иного физического облика. Именно фактор цвета, очевидно, доминировал в восприятии греков и римлян, когда они описывали эфиопов в своих странах или в их собственных. Цвет кожи являлся главной отличительной чертой эфиопов, хотя достаточно чётко осознавались и другие физические черты, отличающие их от европейцев.

Основным объясняющим тёмный цвет кожи африканцев фактором, выработанным античностью (и античной научной мыслью, и обыденным сознанием), считалась жара, нестерпимый жар солнечных лучей, естественно, самых жаростных во всём обитаемом мире, поскольку африканцы населяли самую южную, наиболее жаркую часть ойкумены, наиболее приближенную к солнцу и представляющую её край. Мотив эффекта солнца, обожжённости кожи его жаром в объяснении цвета эфиопов античная традиция во всех её изводах на протяжении практически всего своего существования сохраняла неуклонно и без изменений. Здесь достаточно перечислить лишь некоторые из имён авторов, греческих и римских, подхвативших и продолживших греческую традицию, которые высказывали и развивали эту теорию: Геродот (II, 22), Аристотель (*Problemata* 10, 66, 898b), Лукреций (VI, 722; VI, 1109), Витрувий (*De architectura* VI, 1, 3–4), Гигин (*Astronomica* I, 8 — p.28 ed. В. Bunte), Манилий (*Astronomica* IV, 758–759), Страбон (XV, 1, 24), Овидий (*Metamorphoses* II, 235–236), Плиний (II, 80, 189), Лукан (X, 221–222), Сенека (*Quaest. naturales* 4a, 2, 18), Птолемей (*Tetrabiblos* II, 2, 56) и авторы научных компендиумов и словарей, например *Etymologicum Magnum* s.v. Αἰθίοψ.

Следует отметить, что эта объясняющая теория восходит к выработанной на протяжении многих веков античной теории климатов, зародившейся ещё в недрах ионийской философской школы и приписываемой Гекатею Милетскому. Значительный вклад в её развитие внесли многие выдающиеся греческие мыслители, среди которых упомянем Демокрита, учёных школы Гиппократов, Платона, Аристотеля, Посидония, Страбона, Плиния, Тацита⁵. Согласно этой теории, климат определяет флору и фауну страны, физический облик её обитателей, их нравы, характер и образ жизни. В гиппократовском сборнике (так называют компендиум текстов, приписы-

ваемых Гиппократу и его ученикам и составленный ещё в античности) постулируется доктрина о том, что физические особенности, «и телосложение, и характер людей следуют Природе». И если крайние области Земли, прилегающие к полюсам и непригодные из-за жары или холода для жизни, исключаются из рассмотрения, то относительно центральной обитаемой части, разделяемой на три пояса с различными климатами, делаются далеко идущие обобщающие выводы: в Северном поясе, где расположена Скифия, из-за холода звери немногочисленны и малы ростом, а люди рыжеволосы, крупны, грузны и неплодовиты; в Южном поясе, куда входят Ливия, Египет и большая часть Азии, из-за жаркого и сухого климата земли плодородны, животные многочисленны и крупны размером, а люди темнокожи, черноволосы и маломощны; наконец, Средний пояс, с ярко выраженными временами года, различными почвами и ландшафтами, наиболее благоприятен: люди там рослые и светловолосые, сильные, смелые и сообразительные, т.к. разнообразие условий развивает находчивость и физическую и душевную выносливость.

Не избежал влияния климатической теории и Геродот, который, правда, считает, что народ не является продуктом только климата или расы, но обретает свой неповторимый облик в результате воздействия многих факторов, в том числе культуры и традиции. С момента обращения к теории климатов Платона, а особенно Аристотеля она приобретает крайне злободневный, остро идеологический характер, поскольку становится базой для аристотелевой доктрины о превосходстве греков (как наиболее по природе совершенных, истинно способных к цивилизации людей, объединяющих в себе все совершенные качества, присущие другим климатическим поясам) над варварами, из которых они вправе делать своих рабов⁶. Эта теория была, однако, отвергнута уже учеником Аристотеля Александром Македонским и в дальнейшем подвергалась уточнению и разработке античными учёными (особенно плодотворно Посидонием Родосским /II–I вв. до н.э./ и Страбоном /II, 3, 7–8/, не приобретая даже малейшего оттенка расовой нетерпимости. Эфиопы в античном сознании были той планкой на антропологической цветовой шкале, от которой измерялась и оценивалась окрашенность людей: они считались обладателями самой чёрной кожи из всех людей земли (cf. Aristot., *Problemata* 10, 66, 898b). По цвету кожи с эфиопами охотнее и чаще всего сравнивали индийцев, которые также были черны, но не настолько, как эфиопы. Даже авторы, пишущие, что «цвет кожи у индийцев и эфиопов одинаков» (Геродот III, 101; Sidonius. *Carmina* 11, 106–107: *concolor Aethiopi ... Indus*), тем не менее отчётливо различают гораздо большую черноту кожи африканцев. Те индийцы, которых посетил Александр Македонский, «были чернее всех людей на свете, кроме эфиопов» (Arrian., *Anabasis* 5, 4, 4). Эта традиция сопоставления эфиопов и индийцев сохранилась до самого конца античности, что видно по отголоскам

её в «Христианской топографии» автора VI в. Козьмы Индикоплова, посетившего и Индию, и Цейлон, и Эфиопию (Барбариию = Сомалийское побережье, Зингион = Зиндж = Восточная Африка, Красноморское побережье)⁷.

Индийцы южного Ганга описываются как окрашенные солнцем в кирпичный цвет, но более светлыми, чем эфиопы, напоминая более всего египтян (Plin. N.H. VI, 22, 70; Arrian., Indica 6, 9).

Небезынтересно привести термины, с помощью которых описывается цвет кожи индийцев:

1. μέλας, melas — чёрный, тёмный, смуглый, тёмнокрасный (Herod. III, 101; Arrian., Indica 6, 9.; Anabasis 5, 4, 4.; Philostratus, Vita Apollonii II, 19; III, 11; VI, 1; Achilles Tatius III, 9, 2).

2. κυάνεοι, κυανόχροες, kuaneoi / kuanochroes — иссиня-чёрные (Nonnus, Dionysiaca 17, 390; 29, 172; 31, 275).

3. μελανόχροες, melanochroes — чёрно- / тёмнокожие (Nonnus, Dionysiaca 16, 121; 40, 270–271; Oppian, Cynegetica 3; 259).

4. κελαινοί, kelainoi — чёрные, тёмные (Eustathius, Commentarii 1153 = GGM IV, 404).

5. αἰθοπες, aithopes — красно-чёрные (Nonnus, Dionysiaca 16, 254; 17, 114).

6. decolor / discolor — загоревший от солнца, странного цвета, иноцветный (Ovid., Metamorph. IV, 21; Tristia V, 3, 24; Ars amatoria III, 130; Propertius IV, 3, 10; Prudentius, Hamartigenia 497).

В связи с тем что в течение времени индийцы и эфиопы в результате древних миграций и давних торговых и иных контактов на юге и востоке смешивались⁸, чернокожих индийцев красноморского побережья часто считали эфиопами (Martial. VII, 30, 4: a rubris et niger Indus aquis)⁹. По этой причине в поздней литературной традиции этноним Indus часто использовался как поэтический эквивалент к имени Aethiops.

Асфоделы, народ, покорённый адмиралом Агафоклом в IV в. до н.э., описывается схожим в цвете с эфиопами. Практика использования «эфиопской рейки», по которой отсчитывали интенсивность окраски кожи людей, отразилась в этнонимах «левкоэфиопы» и «меланогетулы»; имена эти интерпретировались как предполагающие смешение этнических компонентов с чёрной, «эфиопской», кожей и светлокожих (Diodor. XX, 57, 5; Plin. N.H. V, 8, 43; Pomp. Mela, De Chorographia I, 4, 23; Ptol. Geographia IV, 6, 5; IV, 6, 6)¹⁰.

Цвет кожи эфиопов часто (особенно в поэзии) использовался как метафора, иллюстрирующая интенсивность чёрного цвета: например, упоминание цветка, чёрного, как эфиоп, или сравнение загара с чернотой эфиопской кожи (Achilles Tatius IV, 5, 2; Lucian., Bis accusatus 6). Представление о черноте эфиопского типа прошло через всю античность вплоть до последних её веков, будучи полностью адаптировано и латинской культурой.

О контрасте белого и чёрного и крайней черноте эфиопского типа находим тексты у Ювенала (Juvenal. II, 23; VIII, 33), Плиния (Plin. N.H. XXII, 2), Лукана (X, 221–222), Исидора (Isid., Origines I, 37, 24), Иеронима (Epistulae 40, 2), Феррандия (Ferrandus, Epistulae 11, 2., Migne PL 65, 378), Боэтия (Boethius, In Porphyrium dialogus II, PL 64, 69 C – 70 B). В апокрифических «Деяниях Апостолов» читаем: «...по наружности наиэфиопская — отнюдь не египетская, но абсолютно чёрная...» — «in aspectu Aethiopissimam, neque Aegyptiam, sed totam nigram» (Actus Petri cum Simone 22. In: Acta Apostolorum Аποсτυφα I. ed. R.A. Lipsius, M. Bonnet. Leipzig, 1891).

Поэтическим эквивалентом греческому понятию Эфиоп (aethiops) в латинской литературе использовалось слово маурус (тёмный, чёрный, «мавретанский» — *maurgus*) — (Priapea 45, 3–5); т.е. и здесь нарабатывалась линия антропологической шкалы цвета, наиболее интенсивной категорией которой ощущался цвет эфиопов. Мавры — *mauri* — латинских источников — люди тёмного (чёрного) цвета, но менее чёрные, чем эфиопы (Manilius, Astronomica IV, 729–730; Lucan. IV, 678–679: *concolor Indo Maurus* — мавр подобен цветом индийцу. Объясняя название страны Мавретания, Исидор (XIV, 5, 10) пишет: *Mauretania vocata a colore populi*; *Graeci enim nigrum μαύρον vocant* — Мавретания названа по цвету своих народов; ведь греки чёрное называют «маурон» (мавретанское). Отметим, что здесь использовано не метафорическое «маурус» для обозначения чёрного цвета, а одно из «прямых» словарных обозначений его — «нигер», чёрный. Этим последним также описывались мавры, темнокожее население Африки: Silius Italicus. *Punica* II, 439–441; Juvenal. V, 53.; использовались и другие синонимы «чёрного» для описания наружности мавров, напр., «фускус» (*fuscus* — Ausonius, *Parentalia* 4, 5, 3–4).

Значимость цвета для обозначения Эфиопии и эфиопов в греческих и римских представлениях в некоторой степени сравнима с тем акцентом на цветовой характеристике, которая присутствует во французском языке в терминах *L'Afrique Noire* и *le noire*.

Наиболее употребительными греческими словами, использовавшимися для объяснения и уточнения «эфиопского» цвета, были синонимы оттенков чёрного и производные из прилагательного «чёрный» и существительных «кожа», «тело». Приведём их список в порядке убывающей частотности использования в греческой литературе и укажем основных авторов.

Μέλας, *melas* — чёрный: Xenophanes *Fragmenta* 16¹¹; Herodotus II, 32 (*Pygmeis*), III, 101; *Prooemium vitae Aesopi*, 215 (Maximus Planudes)¹²; Aristot., *Historia animalium* 3, 9, 517a; *Sophistici elenchi* 5, 167a, 11, 8–21; *Problemata* 10, 66, 898b; *Physiognomica* 6, 812a; Agatharchides, *De Mari Erythraeo* 16, 58 (GGM I, 118, 148); Strabo XV, 1, 24; Diodorus III, 8, 2; 3, 29, 1 (*Acridophagi*); Pausanias IX, 21, 6; Arrianus, *Indica* 6, 9.; *Anabasis* 5, 4, 4; Ptol. *Geographia* I, 9, 7¹³; *Tetrabiblos* II, 2, 56.; Sextus Empiricus *Adversus mathematicos* XI, 43;

Pseudo-Lucian. *Philopatris* 4; Philostratus, *Vita Apollonii* VI, 1–2; *Imagines* I, 7 (Memnon); Heliodorus II, 3; X, 24; IV, 8; VIII, 16; X, 14; Hesichius. *De temp. et virtute* 1, 23; Migne PG 93, 1488 B; Eustathius. *Commentarii* 285 — GGM IV, 266. Имена Ксенофана, Геродота, Аристотеля, Агатархида, Страбона, Диодора, Павсания, Арриана, Птолемея, Секста Эмпирика, Филострата, Гелиодора, Гесихия, Евстатия и др. убедительно свидетельствуют, что это определение использовалось для объяснения «эфиопского» цвета чрезвычайно широко как авторами-учёными, так и в художественной литературе.

μελανόχρως, *melanochros* — чернокожий: *Iliad.* XII, 589; *Odys.* XIX, 246 — гомеровская арх. форма μελάγχρωος; *Scholia in Theocritum vetera* VII, 114a: блеммии понимаются как чернокожий, эфиопского происхождения этнос¹⁴.

μελάμβροτος, *melambrotos* — чернокожий: Euripides. *Fragmenta* (Nauck) 228, 3–4; 771, 4; Quintus de Smyrne. II, 32.

αἰθαλοῦς, *aithalus* — закопченный, чёрный как сажа: Dionys. *Periegetes. Orbis descriptio* 220 — GGM III, 114; Eustath. *Commentarii* 220 — GGM IV, 255.

κελαίνος, *kelainos* — тёмный, чёрный: Aeschylus. *Prometeus vinctus* 808; Theocritus XVII, 87; Dionysios *Periegetes. Orbis descriptio* 179 — GGM III, 112; Eustath. *Commentarii* 248 — GGM IV, 179.

κυάνεος, *kyaneos* — иссиня-чёрный: Quintus de Smyrne. II, 101; Eustath. *Commentarii* 1153 — GGM IV, 404; Hesiod. *Opera et dies* 527.

Подобным же образом и латиноязычная литературная традиция выработала некий набор эпитетов, поясняющих цветовые оттенки кожи жителей Африки, называвшихся греческим термином «эфиоп».

На первом месте здесь, безусловно, находится прилагательное NIGER — чёрный: Лукреций с его помощью описывает жителей районов южнее Египта (*Lucret.* IV, 1160; VI, 722; VI, 1109); Манилий употребляет его, говоря о мифическом Мемноне (*Manilius, Astronomica* I, 767); Лукан — об обитателях Мероэ (*Lucan.* X, 103); также о Мемноне у Овидия (*Ovid. Amores* I, 8, 3–4), Клавдиана (*Claudiani Carmina minora* 28 (47) 16; *De consulatu Stilichonis* 1 (21) 265); Авиен использует слово «нигер» в рассказе о блеммиях (*Avienus* 330 — GGM III, 180). В других местах этим определением обозначаются любые чернокожие автохтоны Африки: *Ovid. Metamorph.* II, 236; *Iulius Firmicus Maternus. Mathesis* 1, 2, 1; 1, 5, 1; *Macrobius. Commentarii in Somnium Scipionis* 2, 10, 11; *In librum Aristotelis Περί ἑρμηνείας commentarii* 2.7¹⁵; *Eugippius Thesaurus* 73 (Migne PL 62, 695 A); *Corpus Glossarium Latinorum* IV, 65, 47; 511, 39; V, 262, 71; 291, 6¹⁶.

Вторым по частоте использования словом для описания эфиопов в латинской литературе является прилагательное ATER — чёрный, тёмный: так его используют Плавт в описании египтянина, который мыслится эфиопом (*Plautus. Poenulus* 1290–1291), Плиний в рассказе о южных со-

седах макробиев (Plin. N.H. VI, 35, 190), Овидий в описании Мемнона (Ovid. Amores I, 13, 33–34), Авсоний в применении к мероитам (Ausonius, Epigrammata 41, 9–10). Типично использование этого слова для описания контраста между человеком с очень чёрной и тёмной кожей и белой или смуглой: такие случаи встречаем у Катуллы (Catullus 93, 2), Цицерона (Cicero. Orationes Philippicae 2, 16, 41), Квинтилиана (Quintil. 11, 1, 38), Апулея (Apuleius. Apologia 16). Синонимичность терминов *ater* — *Aethiops* однозначно подтверждаются контекстом у Варрона (Varro. De lingua Latina 8, 21, 41 — *aut unus albus et alter Aethiops*; 9, 30, 42 — *si alter est Aethiops, alter albus*) и Ювенала (Juvenal. II, 23 — *Aethiopen albus*). Использовались также определения *AQUILUS* — коричнево-чёрный, тёмно-коричневый (Plautus. Poemulus 1112 — в описании негрityнки); *FUSCUS* — чёрный, синоним *NIGER* (Vergil. Moretum 33 — о негрityнке; Ovid. Ars amatoria III, 191; II, 627–658; Remedia amoris 327; Heroides 15, 36 — об Андромеде и жителях Эфиопии; Propertius IV, 6, 78 — об обитателях Мероэ; Sidonius. Epistulae 2, 10, 4; Martial. IV, 62, 7, 13 e.a.); *USTUS* — обожжённый, опалённый (Lucan. X, 131–132 — о прислужнице Клеопатры); *ADUSTUS* — чёрный, тёмный (Seneca. Questiones naturales 4a 2, 18); *EXUSTUS* — в том же значении (Plin. N.H. VI, 22, 70; Silius Italicus, Punica III, 269 — о нубийцах); *PERUSTUS* (Lucan. X, 221–222; Hyginus. Astronomica 1, 8); *PERCOCTUS* — опалённый, смуглый (Lucretius VI, 722; VI, 1109 — *virī percocto colore* — о маврах).

Популярным для описания цвета эфиопской кожи было метафорическое составное определение *νυκτίχρως*, *NOCTICOLOR* — «кожа цвета ночи»: Ps.-Callisthenes. Historia Alexandri Magni 2, 14, 11¹⁷, Aulus Gellius 19, 7, 6 (Memnon), Petronius fr.19 — *tinctus colore noctis puer*.

Описывая эфиопов как тёмных или чёрных люди античного мира видели различия в их пигментации и избирали соотносимые названия красок, чтобы отразить наблюдаемую разницу. Эфиопы могли быть несколько схожими между собой, но отличающимися при этом от большинства греков и римлян (как, например, у Филострата — *Imagines* I, 29); хотя тот же Филострат описывал Мемнона не как абсолютно чёрного, а как имеющего бронзоватый или красноватый оттенок кожи (Philostr. *Imag.* I, 7). В словах Статия о «красных» эфиопах (Statius. *Thebais* V, 427–428) отражается точность римского знания о физическом типе эфиопов, поскольку хорошо известны такие красноватые (медные) варианты пигментации у некоторых негроидных автохтонов континента¹⁸. Некоторые эфиопские типы выглядели значительно темнее прочих, отличаясь особенно интенсивной чернотой кожи, как, например, акридофаги — «поедатели саранчи». Агатархид, Диодор и Гелиодор описывают их как «чрезвычайно», «невероятно» чёрных (Agatharch., *De Mari Erythr.* 58 — GGM I 148; Diodorus III, 29, 1; Heliodorus II, 30).

Народы вокруг Мероэ Птолемей описывает как обладателей кожи глубокого чёрного цвета и считает именно их «натуральными», подлинными эфиопами (Ptol., Geogr. I, 9, 7); в этом он полностью разделяет мнение, высказанное гораздо раньше Аристотелем (Aristot., De coloribus 5, 795a).

Римляне нередко обозначали интенсивность черноты эфиопов с помощью усилительной приставки PER-, добавляемой к соответствующему прилагательному, как, например, у Плавта и Лукреция (Plaut. Poenulus 1113 — ore atque oculis pernigris; Lucretius VI, 722; VI, 1109 — percocustus: в описаниях эфиопов с юга, обжигаемых солнцем). Превосходная степень указывает на интенсивность черноты африканских наёмников-карфагенцев, набранных для боевых операций против Гиерона Сиракузского (Frontin. 1, 11, 18). Марциал для описания глубокого чёрного цвета кожи прекрасной африканки использует метафорический ход, описывая этот цвет через ряд образов: чёрной ночи, муравья, вара, галки, цикады (Martial. I, 115, 4–5).

В несомненной связи этой серии определений и образов (цвет ночи — νυκτίχροος, nocticolor, цикады и пр.) с эфиопами, в силу устойчивого ассоциирования и отождествления, никто из исследователей не сомневается¹⁹.

Филострат фиксирует в своём сочинении важное обобщение античных наблюдателей: чем дальше к югу от Египта вверх по Нилу, тем всё темнее становится цвет обитателей. Жившие между границами Египта и Эфиопии народы были не абсолютно чёрными, а как бы «вполовину породы по цвету», «не так черны, как эфиопы, но темнее египтян» (Vita Apollonii VI, 2). Интересна в этой связи мозаика Барберини — копия с эллинистического оригинала эпохи Птолемеев²⁰. На ней изображён египетский пейзаж с текущим Нилом; на первом плане фигуры белых людей, дальше — на верхнем плане, в горах — фигуры людей южного типа из верховьев Нила — чёрные. Кстати, как известно из Павсания, Нил изображался в виде чернокожего эфиопа (Pausanias VIII, 24, 12).

Комментируя градации цвета эфиопов, античность заметила и отразила в языковом узусе изменения в цвете: рождавшийся в результате смешения чёрной матери и белого отца был DECOLOR или DISCOLOR. Эти два слова часто встречаются и в описаниях внешности народов Индии и Мавретании — индийцев и мавров (Juvenal. VI, 600; Claudian. De bello Gildonico 1 (15) 192–193; Achilles Tatius III, 9, 2; Ovid. Ars amatoria III, 130; Metamorph. IV, 21; Tristia V, 3, 24; Propertius IV, 3, 10; Lucan. IV, 678–679).

Римское использование этих слов для обозначения бастардов предполагает, что эти дети по цвету кожи напоминали более светлых индийцев и мавров, т.е. что они были в восприятии не NIGRI и FUSCI (т.е. эфиопы), а DECOLOR, что ближе всего к значению современного термина «мулат». В свете важности цвета кожи для классификации эфиопов неудивительно, что слова μέλας, niger, обозначающие черноту, часто использовались

в чередовании или как эквиваленты к словам Αἰθίοψ и Aethiops. Несколько указаний на детей смешанного, чёрно-белого происхождения прямо или косвенно свидетельствуют, что μέλας использовалось как эквивалент Αἰθίοψ: Antigon. Carist. Mirabilia 112 (122)²¹; Aristophanes Bysant. Historiae animalium epitome 2, 272²²; Plut., De sera numinis vindicta 21, 563. Похоже, что сходным образом употреблён термин μέλας в отрывке, где описывается победа Мемнона над Архилохом, который, согласно версии Филострата, внушил ужас ахейцам уже самим своим обликом, поскольку раса его была для них до той поры неведомой и невиданной и до Мемнона чёрные люди оставались лишь мифом (Philostr., Imagines II, 7). Мемнон описывается иногда как Αἰθίοψ, а иногда как NIGER (Catullus 66, 52: Memnonis Aethiopsis; Manilius, Astronomica 1, 767: Auroraeque nigrum partum; Ovid. Amores I, 8, 3–4; Epistulae ex Ponto III, 3, 96; Vergil. Aeneis. I, 489: nigri Memnonis; Seneca. Agamemnon 212: Memnon niger).

Эквивалентность понятий «эфиопское» = «чёрное» подтверждается многочисленными примерами параллелей и антитез в литературной и изобразительной традициях античности: это и сопоставление и противопоставление белых северян чернокожим эфиопам, населяющим крайние южные пределы обитаемого мира в научных трудах и художественных текстах, это и популярнейшие в античности сопоставительные пластические композиции, объединяющие образы африканца и европейца. Причём традиция эта, зародившись очень рано, дожила практически до Нового времени (Ptol. Tetrabiblos II, 2, 56: чёрные эфиопы — μέλανές τε τὰ σώματα и белые скифы λευκοί τε τὰ χρώματά; Iulius Firmicus Maternus. Mathesis 1, 2, 1: чёрные эфиопы и белые германцы — omnes in Aethiopia nigri, in Germania candidi; Eusebius. Thesaurus 73 (Migne PL 62, 695): чёрные эфиопы и белые галлы — nigros Aethiopes et ... candidos Gallos; Bede in Samuelem Prophetam 1, 10²³: niger Aethiops et Saxo candidus; Eustathius. Commentarii 285 (GGM IV, 266): белые германцы и очень чёрные (наичернейшие) эфиопы — λευκά... φῦλα καὶ μελάντατοι Αἰθίοποι; Plin. N.H. II, 80, 189 — о контрасте эфиопов и неназванных северян по цвету; Vitruvius VI, 1, 3–4: о безымянных чёрных южанах и светлокожих северянах — colore fusco-candidis coloribus).

Всеобщность понимания синонимичности (по цветовому признаку) антропологического термина Эфиоп и прилагательных со значением «чёрный» подтверждается и материалами схолиастов и лексикографов: Scholia in Callimachi hymnos 6, 11a: τῶς μέλανας] τοὺς Αἰθίοπας — чёрные = эфиопы²⁴; Scholia in Luciani dialogos marinos 15, 4: μέλανας ἀνθρώπους ἑώρων] ὁ γὰρ Νότος ἀπὸ τῆς Λιβύης πνέει, ἐνθα οἰκοῦσιν οἱ Αἰθίοπες — упоминание «чёрных людей» объясняется тем, что поскольку над Ливией дует Нот (южный ветер), то и живут там эфиопы (т.е. чёрные)²⁵; Zonaras Lexicon: Αἰθίοψ] ὁ μέλας — эфиоп — значит чёрный²⁶; Scholia in

Iuvenalem *Vetustiora* XV, 49, 1d: nigro tibicine — Aethiope (чёрный флейтист, т.е. эфиоп)²⁷.

Итак, приведённые материалы античных письменных источников позволяют заключить, что слова μέλας, NIGER, FUSCUS являются эквивалентными названиями эфиопов. Однако закономерен также вопрос, всегда ли эти прилагательные (используются ли они изолированно или в сочетании с иными словами, вводящими дополнительные антропологические детали) обозначают эфиопов? Чаще всего контекст не оставляет в этом никакого сомнения: Lucretius VI, 722; VI, 1109 (о людях с тёмной, опалённого цвета кожей — *percocto colore*, относящихся к «чёрному племени» — *nigra saecula*); Lucan. X, 103 (о чёрных мероитах); Claudianus 1, 265 (о Мемноне — *niger, coloratus*); Seneca, *Hercules Oetaeus* 1705: *nigri Iovis*; Statius. *Thebais* II, 49: *nigri Iovis* (Зевса чёрного); IV, 291 — *nigro Ditis* (о Дитисе чёрном); Ovid. *Metamorph.* IV, 438: *nigri Ditis*. Подтверждений подобного рода даёт достаточно много не только классическая латинская литература²⁸, но кое-какие примеры перешли и в раннехристианскую традицию²⁹.

Ввиду доказанной эквивалентности производного от термина «эфиоп» прилагательного «эфиопский» всему ряду прилагательных, обозначающих чёрный цвет, можно утверждать, что весь этот ряд слов (даже при отсутствии других признаков) можно рассматривать в контексте языкового узуса как создающий по крайней мере ассоциативную связь с гнездом понятий «Эфиопия, эфиоп, эфиопский». Так, возможно, Павсаний создавал в соответствии с этим культурно-психологическим клише определённый «бело-чёрный» (т.е. бело-«эфиопский») контраст, когда описывал изображение женщины, держащей в правой руке белого, а в левой — чёрного ребёнка, на дарохранительнице Кипселла — тирана Коринфа (Paus. V, 18, 1).

Установленная синонимичность понятий «чёрный» и «эфиоп» позволяет не удивляться тому, что эфиопская чернота вошла в пословицу и породила выражение Αἰθίοπα σμήχειν — *aithiopa smeschein*: отмыть эфиопа до бела. Лукиан (*Adversus indoctum* 28) использует её для иллюстрации совета, данного дураку-библиофилу по поводу правильного использования книг: его попытки столь же плодотворны, как попытки отмыть эфиопа добела (кстати, эпиграмма, приписываемая Лукиану в *Antologia Palatina* 11, 428, не различает «индийское» и «эфиопское» — *indicon et aethiopicon*).

Паремиографы использовали, как правило, это выражение по отношению к бесконечному, безрезультатному труду (*Corpus Paremiorum Graecorum*: Zenobius 1, 46 (vol. I, p.18), Diogenianus 1, 45 (vol. I, p.187), Macarius 5, 50 (vol. II, p.184), Diogenianus 1, 19 (vol. II, p.4), Apostolius 1, 68 (vol. II, p.258).

Примерно в том же русле басня Эзопа об эфиопе, который безрезультатно мыл и скрёб себя, — доказательство того, что природу не изменить

(Aesop. n.274³⁰, Scholia ad Persium 5, 116³¹; Gregor. Magnus, Epistulae 3.67 = Migne PL 77, 668).

Хотя цвет кожи и был, безусловно, самой яркой отличительной чертой для идентификации чернокожего народа — эфиопов, всё же греки и римляне осознавали и различали и другие физические характеристики антропологических типов эфиопов и негроидов. Уже во времена Ксенофана комментировалась такая типичная черта негрского антропологического типа, как широкий нос (Xenophon. — FHG, Diels, Frg. 16). Агатархид, ссылаясь на черноту эфиопов, замечает, правда не называя деталей, что эфиопы отличаются от греков по внешности в целом (De Mari Erythraeo 16 — GGM I, 118). Идея, что белый человек может сойти за эфиопа, просто покрасившись в чёрный цвет, была смешна: Петроний замечает, что краска только запачкает тело, не изменив его (Petronius. Satyricon 102).

Полный расовый тип эфиопа включает толстые губы, вьющиеся волосы, рубцы и насечки на лбу и щеках и косолапые ноги. Большинство эфиопов, например те, которых описывает Диодор (III, 8, 2) как живших вдоль Нила, были чернокожими, с широкими носами и курчавыми волосами.

Чрезвычайно подробный и антропологически точный портрет африканки Скибалы, единственной служанки в усадьбе крестьянина Симила, даёт Вергилий в своём «Завтраке» (Moretum. 31–35): чёрная кожа, курчавые волосы, лежащие густыми кольцами, толстые губы и широкий нос, широкие плечи и висячие груди, тонкие лодыжки и широкая ступня.

Одна версия жизни Эзопа описывает его как эфиопа — чёрным, с толстыми губами и широким носом (Prooemium vitae Aesopi — Maximus Planudes — Aesopica I, 215 /Perry B.E./).

Практически в приведённых примерах содержится исчерпывающее описание физического облика африканцев, как его видели греки и римляне, и достоверность его не подлежит сомнению.

Некоторого комментария требует вопрос о волосах эфиопов. В греческом языке слово οὐλος — ulos, используемое при описании волос эфиопов (οὐλότριχος — курчавоволосый), означает «курчавый, вьющийся, плотный, густой». Поэтому акцент мог делаться на любую из заложенных в значениях слова характеристику. Например, в одном месте у Птолемея (Ptol. Tetrabiblos II, 2, 56) подчёркивается именно густота волос. В общем же если чёрная кожа эфиопов была максимальным эталоном для оценки темноты кожи других народов, то и их волосы, курчавые и густые, служили такой же эталонной характеристикой в сравнительно-антропологических наблюдениях людей античного мира.

Эфиопы Ливии оценивались Геродотом как самые курчавые из всех людей (VII, 70); южные индийцы во многом напоминали эфиопов, но не имели таких широких носов и столь курчавых волос (Arrian., Indica 6, 9). Как и цвет кожи, особенности эфиопских волос объяснялись климатическим

фактором: так, считалось, что курчавость является результатом действия тенденции к заворачиванию и скрючиванию, которая вызывается жарой; подобным же образом и кривоноготь есть результат жары, обуславливающей искривление (Aristot. *Problemata* 14, 4, 909a; *De generatione animalium* 5, 3, 782b).

Курчавые вьющиеся волосы эфиопов часто сравнивались по принципу контраста с волосами белых: с волосами фракийцев и скифов (Aristot. *De generatione animalium* 5, 3, 782b, северян в целом (Plin. *N.H.* II, 80, 189; Vitruv. *De architectura* VI, 1, 3–4). Одним из серьёзных аргументов в пользу античной классификации блеммиев как части эфиопов служит описание их «эфиопских» волос (Nonnus, *Dionysiaca* 17, 385; 26, 340–341).

Геродот обнаруживает, что единственным различием между восточными и южными эфиопами является прямизна волос первых и курчавость вторых (VII, 70).

В описании волос римляне были более разнообразны, чем греки, использовавшие только одно слово-определение οὐλός: волнистый, курчавый, густой, шерстяной. Это означает, что римляне, конечно, были шире знакомы с эфиопскими типами и, возможно, пытались более точно описать то, что видели. По крайней мере, Скибала имела такие же завивающиеся в плотные кольца волосы (Vergil. *Moretum* 33), какие имели эфиопы, присутствовавшие на открытии Колизея и увиденные Марциалом (Martial., *Spectacula* III, 10). Подобным же образом описаны волосы чернокожей рабыни Клеопатры (Lucan. X, 131–132). Античные модники знали, что, для того чтобы превратить неэфиопские волосы в эфиопские, нужны раскалённые щипцы (Petron. *Satyricon* 102; Priapea 45, 1–3³². Плиний Старший упоминает эфиопов с мелко завивающимися волосами (*capillo vibrato*: Plin. *N.H.* II, 80, 189), а Петроний говорил о длинноволосых эфиопах (*aethiopes capillati*: *Satyricon* 34). Во всяком случае важно отметить, что точность античных описаний волос эфиопов подтверждается современными антропологическими описаниями негроидов³³.

Платириния ощущалась, вероятно, так же, как один из важных характерных признаков эфиопского типа: широконосость как характерная эфиопская черта иногда специально подчёркивалась тем или иным способом. Например, этот признак, видимо, был столь выражен у одного из эфиопских племён, что их стали называть именем, образованным от десигнатора *simus* — курносый, широконосый, — Симами, Курносыми (Simi: Diodorus III, 28, 1; Quintus Curtius Rufus 4, 7, 19). Платириния эфиопов, как и цвет их кожи и волосы, была нормой в антропологических сравнениях античных учёных и философов. Секст Эмпирик, рассматривая красоту как явление относительное, отмечал, что эфиопы предпочитают самых чёрных и с широкими носами, а персы — самых белых и самых крючконосых (Sext. *Empiric. Adversus mathematicos* XI, 43). У Арриана есть замечание, что юж-

ные индийцы не имели таких расплюснутых широких носов, как эфиопы (Indica 6, 9).

В некоторых источниках отмечаются вывернутые губы определённых типов: иногда губы эфиопов характеризуются как выступающие, выдающиеся вперёд — *πρόχειλος* — (Vita Aesopi, p.91–92), чаще их описывают словом «пухлогубый» (Moretum 33; Satyricon 102).

Ноги эфиопов описываются как тонкие, а иногда отмечается их кривизна, причём кривизна ног египтян и эфиопов объясняется воздействием жары, которая искривляет тела подобным же образом, как и стволы деревьев, когда они становятся сухими и покоробленными (Vergil. Moretum 33; Aristot. Problemata 14, 4, 909a).

Среди других антропологических наблюдений античности над физическим обликом эфиопов имеются и другие, достаточно тонкие и зачастую чрезвычайно точные, согласующиеся с современными антропологическими знаниями о расовом типе автохтонов континента. Так, в двух местах комментируется грудь эфиопских женщин, и, хотя эти источники относятся к группе поэтических художественных сочинений, это не умаляет их точности и свидетельствует о том, что и за пределами научного знания конкретное знакомство с африканцами было чрезвычайно близким.

Вергилий, описывая Скибалу, говорит о её низко лежащей, оттянутой груди (Moretum 34), а Ювенал задаёт не слишком приличный, но показывающий эстетические оценки своего времени в отношении женской красоты вопрос: «кто в Мероэ восхитился бы грудями женщины, которые больше, чем её толстый зад?» (Juvenal. XIII, 163).

Античная традиция в отношении изучения африканских народов проявилась также в интересе к такому вопросу, как обрезание (*circumcisium*), имеющему отношение одновременно и к антропологии, и к этнографии (Herod. II, 104; Iosephus. Contra Apionem 1, 169). Факт обрезания, практикующегося у эфиопов, отмеченный впервые в литературе у Геродота, привлекал неизменное внимание древних, что нашло отчётливое подтверждение в многочисленных памятниках изобразительного и пластического искусства античности³⁴. В связи с тем что те образцы изобразительного искусства античности, на которых нашёл отражение факт фиксации африканского обычая производить обрезание крайней плоти, являются изображениями итиофаллических персонажей, вынуждает отметить существование в античности научного и массового интереса к эротизму эфиопов. Здесь в первую очередь необходимо назвать имена Геродота и Аристотеля (Herod. III, 101; Aristot. De generatione animalium 2, 2, 736a, Historia animalium 3, 22, 523a — в частности, если Геродот, повторяя расхожее в его времена мнение, говорил, что семя у эфиопов чёрное, то Аристотель уверенно опровергает старые заблуждения и сообщает, что оно такое же, как и у греков). Большое количество итиофаллических изображений в искусстве отражает важное

место эротической темы, связанной с эфиопами, в античном сознании и художественной и обрядовой практике (итиофаллические изображения эфиопов часто использовались в магических обрядах, в апотропеической магии), что достаточно известно исследователям и даже послужило темой специальной дискуссии о макрофаллизме негров³⁵.

Невербальные источники свидетельствуют также о том, что античности было знакомо явление стеатопигии у женщин некоторых негрских племён Африки³⁶.

Если попытаться хотя бы в первом приближении осознать, насколько близко античная наука подошла в своём опыте к научному уровню знаний об африканцах, то в области практической антропологии обнаружится удивительный результат: их знание почти не противоречило современным антропологическим теориям и выводам. Прежде всего особое акцентирование понятия «эфиоп» во всех контекстах, имеющих отношение к африканской тематике и особенно к антропологическому контексту, показывает, что этим словом выделяется степень черноты, окрашенности кожи как основного аргумента и показателя для расовой классификации. Этот показатель и в научных расовых классификациях является основным. Если же учесть наличие в античных источниках ещё и различных комбинаций других физических характеристик, ассоциировавшихся с эфиопами, то можно видеть, что в античности умели (пусть даже часто интуитивно) различать два подтипа негрской расы, что полностью соответствует современным антропологическим данным и классификациям. Согласно последним, различаются два принципиальных подтипа негрской расы; первый из них, называемый одними исследователями «чистым» или «подлинным» — «true»³⁷, а другими — «абсолютным» или «беспримесным»³⁸, представители которого описываются как высокие, сухощавые, с развитой мускулатурой, с «треугольным» торсом, чернокожие, с развитым прогнатизмом, курчавоволосые люди, т.е. здесь используется весь известный античности набор признаков. Во втором подтипе наблюдается известная размытость и вариативность «чистых» признаков: чёрный или иссиня-чёрный цвет кожи, ослабленный прогнатизм, меньшая платиринированность, менее вывернутые губы, волосы, варьирующиеся от завивающихся до почти прямых, более узкие лица. Второй, «размытый» подтип, также хорошо известный древним, напоминает группу, известную антропологам как нилотская, хамитская и нилотохамитская; сопоставление современных типов с античными изображениями не оставляет сомнения в этом выводе³⁹. Сравнение античных изображений с так называемым «конгоидным» типом африканцев также показывает хорошее знакомство греков и римлян с глубинными районами материка⁴⁰.

Интересным подтверждением знакомства с «нилотским» подтипом дают античные наблюдения по такому расовому признаку, как волосы: так,

геродотово сообщение о курчавости восточного типа эфиопов и волнистых волосах ливийских эфиопов (Herod. VII, 70) и свидетельства римских источников о длинноволосых и волнистоволосых эфиопах, отличающихся от плотно-курчавого типа (Plin. N.H. II, 80, 189; Petron. Satyricon 34), показывают важность этого признака для античных антропологических классификаций. Вообще ясно, что античные наблюдатели, как правило, ссылаются на цвет кожи и вид волос, считая их определяющими признаками; нос же и губы упоминаются отнюдь не всегда, из чего можно заключить, что античные наблюдатели либо не принимали их за определяющие антропологические признаки, либо, что вероятнее, считали их индивидуальными особенностями объекта.

Констатация современной антропологической теории того, что негроидная раса включает самых высоких и самых низкорослых людей, находится в полном соответствии с сообщениями античных авторов, утверждавших то же самое. Достаточно напомнить геродотову характеристику тех эфиопов, к которым персидский царь Камбис послал посольство ихтиофагов из Элефантины: «самый рослый и красивейший народ на Земле» (Herod. III, 20); о том же говорит Плиний, когда сообщает, что эфиопы-сирботы были ростом до 20 футов (Plin. N.H. VII, 2, 31) (заметим, что даже если это и выглядит явным преувеличением, то базируется оно именно на античном представлении о том, что самые высокие люди на земле — эфиопы). Античность была знакома и с самыми низкорослыми африканцами, о чём свидетельствуют указания на пигмеев в литературе и их изображения в классическом искусстве: упомянутые впервые Гекатеем (Hecat. fr.266, FHG I, 18), в дальнейшем пигмеи всегда оставались любимой темой античных писателей от Геродота и Аристотеля до Мелы и Плиния (Herod. II, 32; IV, 43; Aristot. Histor. animalium VIII, 12, 2; Pomp. Mela III, 8, 81; Plin. N.H. VI, 188) и служили излюбленным сюжетом для художников начиная, по крайней мере, с первой четверти VI в. до н.э., о чём свидетельствует самое раннее из дошедших изображение пигмеев с их легендарными журавлями на вазе «Франсуа»⁴¹.

Приобретённый за века контактов с Африкой и африканцами опыт позволил античности выработать модель чрезвычайно точного в антропологическом смысле портрета «эфиопа»: образцом такого портрета может служить приписываемый Вергилию «Моретум», в котором портрет африканки Скибалы является наиболее полным портретным описанием, включающим восемь физических характеристик, позволяющих считать его автора вполне компетентным антропологом. Конечно, набор характеристик не полон: здесь отсутствует упоминание о ширине носа и не упомянут прогнатизм (чего, впрочем, нет ни у одного античного автора); но ведь автор — поэт, так что его антропологическая точность особенно ценна. Выбор античными наблюдателями в качестве наиболее важного критерия цвета кожи

совпадает и с современной антропологией. Чёткость античных градаций переходов цвета от чёрного к светло-жёлтому превосходит современные классификации. Они сумели также оценить важность такого признака, как вид волос, используемого и в современной науке. Только одна форма губ, имеющая значение в определении расового типа, если и не ускользнула от внимания древних, но и не стала главным признаком антропологической классификации⁴².

В рамках рассмотрения процесса становления «античной антропологии» в отношении негроидов Африки следует отметить, что хотя термин «эфиоп» и стал главным родовым словом, которым греки и римляне пользовались для обозначения негроидного типа, временами, совершенно очевидно, термины AFER, INDUS и MAURUS становились эквивалентами AETHIOPS. Например, имя AFRA сознательно используется в применении к женщине, расовая принадлежность которой несомненна (Moretum 32); это свидетельствует в пользу того, что термин AFER, указывающий обычно на ливийское происхождение, может также соотноситься с негроидным расовым типом (ср. Ἀφρολίβυεος)⁴³.

Использование в качестве синонима к термину «эфиоп» слова INDUS связано в первую очередь с обычными ошибками древних в различении востока и юга. Так, и Вергилий, и Овидий, вероятно, использовали термин INDI по отношению к эфиопам, т.е. африканским неграм: Вергилий повествует о Ниле, истекающем из «многоцветной Индии» (Vergil. Georgic. IV, 293), Овидий вспоминает Персея, привёзшего Андромеду из «чёрной Индии» (Ovid. Ars amatoria I, 53); возможно, впрочем, здесь употребление слова «Индия» вызвано соображениями не столько смысловыми, сколько необходимостью заменить метрически неудобное слово aethiopibus в конце дактилического гекзаметра (что имеется в обоих случаях) удобным метрически выражением ab Indis. Вообще употребление термина «индийцы» вместо «эфиопы» было достаточно частым явлением (ср.: Expositio totius mundi et gentium 35 — GLM V, 520).

Термин «мавры» — MAURI — также использовался и как поэтический эквивалент к «эфиопы», и как широкий термин, включавший эфиопов; следует отметить, что некоторые исследователи полагают, что значение слова «mauri» не до конца ясно, и выражают удивление по поводу его использования античными писателями для обозначения цвета кожи негроидов и самого термина «чёрный»⁴⁴. Тем не менее такая практика была широко распространена: например, Манилий говорит, что своё имя Мавретания получила от цвета её жителей (Manilius, Astronomica IV, 729–730), Исидор, придерживаясь того же мнения, добавляет, что греки обозначали NIGRUM словом ΜΑΥΡΟΝ (Origines 14, 5, 10; об эквивалентности NIGER и MAURUS: Poetae Latini Minores, ed. Baehrens E., V., LXIV, 11, 1–4).

Выражение Марциала — *retorto crina maurus* (VI, 3, 6) — ясно предполагает выющиеся волосы, которые ассоциировались с эфиопом, а слова Ювенала *NIGRI... MAURI* (V, 53–54) дают абсолютное подтверждение этой античной традиции. Клавдиан (*De consulatu Stilichonis* 1, 248–263) говорит обо «всех племенах мавров» (*omnes maurogum... populus*), которые жили ниже гор Атласа, и о тех, кого нестерпимая солнечная жара отрезала внутри Африки, т.е., безусловно, об эфиопах. Ранняя христианская литература использует слово $\mu\alpha\upsilon\rho\omicron\varsigma$ в значении $\text{A}\iota\theta\iota\omicron\psi$ ⁴⁵. Из этой группы источников особенно ярко иллюстрирует рассматриваемый языковой узус фраза, получившая силу популярнейшей пословицы $\text{A}\iota\theta\iota\omicron\pi\alpha \sigma\mu\acute{\iota}\chi\epsilon\iota\nu$ — «отмыть эфиопа добела»: $\text{A}\iota\theta\iota\omicron\pi\alpha \mu\alpha\upsilon\rho\omicron\nu \acute{\omega}\varsigma \acute{\alpha}\sigma\beta\acute{\omicron}\lambda\eta$ — «эфиоп, чёрный как копоть» — *Passio Bartholomaei* 7⁴⁶.

Во всяком случае все приведённые примеры позволяют заключить, что и греки, и римляне в удобных случаях группировали небелых людей по признаку цвета, игнорируя все другие антропологические признаки и используя цвет как обобщающую универсальную характеристику всех негроидов, обозначая любым из слов-аналогов (синонимов) термина ЭФИОП всю массу народов Африки.

В группе ономастических материалов, кроме уже затронутых этнонимов, некоторые небезыңтересные результаты может дать анализ ограниченного числа имён собственных, о которых можно с уверенностью сказать, что они имеют отношение к эфиопам, имея в своём содержании определённые указания на некие физические характеристики общеантропологического плана. Однако интерпретация имён собственных с целью непременно во всех случаях установить происхождение его носителя и произвести расовую идентификацию по имени чревата получением ошибочного вывода. Отнюдь не всегда имя и происхождение его носителя взаимозависимы. Например, имена, содержащие яркие «негрские» характеристики и связанные безусловно с обозначением цвета кожи, — *NIGER*, *FUSCUS*, *MELAS*, с типом волос — *IRAS*, «африканской» формой носа — *SIMUS*, могли, конечно, быть даны эфиопам их хозяевами, но такие имена вовсе не обязательно были связаны с эфиопским экстрактом, а могли соотноситься лишь с физическими характеристиками конкретного человека и иметь несколько пародийный, метафорический характер, или быть вообще взятыми наугад из номенклатуры имён. То есть, имена типа *AITHIOPS*, *NIGER* или *IRAS* переставали быть иллюстративными.

Между тем имена эфиопов позволяют выявить важные детали, касающиеся не только их физического облика, но и различных аспектов социальной жизни эфиопов в античном обществе.

Говоря об именах эфиопов в античном мире, следует учитывать то обстоятельство, что здесь не существовало представлений, которые ставили бы знак равенства между понятиями эфиоп и раб: не происхождение, тем бо-

лее не расовая принадлежность, а только причастность к античной культуре (языку и всей совокупности важных для античного духа цивилизационных ценностей) определяли статус человека: если он овладевал ими, то становился законным и полноправным членом этого мира; в противном случае он оставался варваром и был достоин рабского состояния⁴⁷. Таким образом, имя не означало неперемный рабский статус его носителя, но фиксировало его происхождение. Эта особенность — сохранение памяти о происхождении человека — была свойственна и римлянам, и грекам: если у некоего человека были даже очень отдалённые эфиопские предки, он назывался эфиопом, при том что права его ни в коей мере не ограничивались по расовому признаку. Изложенное и являлось основной причиной, почему в номенклатуре имён классической античности столь явственно сохранялись «эфиопские» имена.

Большая часть «эфиопских» имён, зафиксированных в письменных источниках, принадлежит, естественно, рабам или потомкам рабов — вольноотпущенникам (это понятно, поскольку первоначально эфиопы попадали в страны Средиземноморья именно в этом качестве, что, впрочем, не исключало, особенно в более поздние времена, наличия в античном мире изначально свободных по общественному статусу эфиопов), или свободным различных профессий и общественного положения. Часто рабы получали имена, соотносимые с физическими характеристиками. Например, в помпейских граффити упомянута некая NIGRA, эфиопское происхождение которой современным комментаторам удалось доказать с полной убедительностью⁴⁸, что подтверждается и косвенными фактами, как, в частности, скульптурным портретом женщины с явно негроидной внешностью — курчавыми волосами, широким носом, пухлыми губами — по имени Юлия Нигра, когномен которой указывает на негрское происхождение⁴⁹, и тем, что хорошо известна практика отражать в когноменах именно такого рода происхождение человека.

Античная литература даёт большое количество примеров, когда именем, или когноменом, или определением к имени являются слова ΜΕΛΑΣ, NIGER, FUSCUS, которые в отношении к эфиопам всегда контрастируют с ΛΕΥΚΟΣ, CANDIDUS — десигнаторами северян. Представляется показательным случай употребления ΜΕΛΑΣ в смысле ΑΙΘΙΟΥΣ в известном списке солдат в Египте: двое из них с одним именем Аполлоний имеют различные десигнаты — один назван ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΜΕΛΑΣ, второй — ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΛΕΥΚΟΣ⁵⁰. В свете присутствия в Египте множества эфиопов и их большой активности в разных сферах общественной жизни ΜΕΛΑΣ в этом случае скорее всего является эквивалентом ΑΙΘΙΟΥΣ, т.е. указывает на цвет кожи⁵¹.

Латинская литература даёт много примеров использования контрастирующего эффекта candidus и niger, которые можно понимать в одних

случаях как «светлый, блондин» — «тёмный, брюнет» а в других — как «белокожий» и «чернокожий»⁵²: у Марциала, например, говорится о двух незаконнорождённых дочерях от Крота и Карпа, первая из которых NIGRA, а вторая — RUFА (чёрная и рыжая) — VI, 39, 18–19; в помпейской надписи из лупанария в том же смысле (блондинки — брюнетки или негритянки — белые ?) говорится о NIGRA и CANDIDA⁵³; аналогичные примеры, во многих из которых NIGER, FUSCUS означают эфиоп, чернокожий, находим у Вергилия (Eclog. 2, 16–17), Лукреция (IV, 1160), Овидия (Ars amatoria 2, 657–658; Remedia amoris 327), Проперция (II, 25, 41–42), Марциала (I, 72, 5–6; III, 34; VII, 29, 7–8 — Марсий — чёрный), Сидония (Carmina 5, 460 — на корабле Клеопатры были «как смоль чёрные солдаты» — milite riceo /riceo = niger, как у Марциала (I, 115, 4–5)/, которые, без сомнения, были эфиопского происхождения в отличие от светлых египтян), автора из Anthologia Latina (ed. Riese A., n.183, p.155 — riceo), Анонима из Малых поэтов (Poetae Latini Minores, V, 370, n. LXIV) и др.

Использование того же контрастирующего эффекта в сопоставлении чёрного и светлого сказалось в практике называть эфиопских мальчиков для достижения особо комического эффекта серебряными (St. Ieronim., Epistulae 40, 2). По именам, содержание которых указывает на явно негрские физические приметы, установлено, что служанка Клеопатры IRAS была эфиопкой, а в её свите называется маленький невольник-негритёнок (Lucan. X, 131–132; Plut., Antonius 85, 4, Pape WgE s.v. Εἰραῖς⁵⁴).

Анализ употребления этих имён показывает, что в слове-номинации отражались и фиксировались черты физического типа эфиопов.

Часто встречающееся имя МЕРОЭ вошло в репертуар собственных имён, видимо, по причине широкой известности и важности эфиопской столицы Мероэ в античной культурно-исторической традиции; имя пьяницы Мероэ в эпиграмме Авсония (Ausonius, Epigrammata 41, 9–10) объясняется его способностью пить вино, не смешанное с водой, что считалось чертой варварской, осуждаемой в античной культуре. Другие же лица с именем Мероэ были так названы явно по цвету кожи и были эфиопами. Соотнесение имён AFER и MAURUS с определённым негроидным типом предполагает, что имена эти чаще всего использовались при назывании эфиопов. Об имени Maurus / Мауга как имени «эфиопском» явствует из «Поминок» Авсония, где говорится об очень тёмнолицей бабушке Мавре (Parentalia 5, 4–5).

Кроме имён, соотносимых с физическим типом и происхождением, в номенклатуре есть египетские, еврейские и эфиопские имена; большая же часть имён эфиопов в античном мире — греческие и латинские.

Основываясь на когномене знаменитого римского драматурга Теренция — AFER — и тёмном цвете его кожи — colore fusco (Suetonius. Vita Terenti 5 / Loeb II, 460), и, видимо, в сочетании с известными чертами его наружности, характерными для антропологических описаний древними негров,

существует гипотеза о его африканском — «эфиопском» происхождении⁵⁵. В пользу этого предположения, помимо самого имени, свидетельствуют и расовый состав жителей родины Теренция, Карфагена, дающий с равным правом считать, что он мог быть и негроидом, и эфиопидом; и толерантность Рима и античного мира в целом к цивилизованным представителям других национальностей и рас, которых охотно включали в собственное общество.

Также, исходя преимущественно из имени и основываясь на антропологической значимости чёрного цвета кожи и курчавости, спутника Одиссея Эврибата считали эфиопом⁵⁶.

Вообще отражаемые в именах антропологические признаки, в первую очередь чёрнокожесть и курчавость, убедительно доказывают их важность в древних идентификациях варваров-негроидов.

2. СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ «ЭФИОП» И «ЭФИОПИЯ» И ОБЪЁМ ЗНАНИЙ АНТИЧНОГО МИРА О СТРАНЕ И ЛЮДЯХ

Выяснение конкретного содержания этих терминов возможно лишь при контекстуальном анализе имеющихся свидетельств и полном учёте объёма реальных знаний данного автора и его времени. Помимо этого необходима также проверка каждого свидетельства в диахроническом плане. Часто верификация того или иного сообщения оказывается успешной при сопоставлении с невербальными свидетельствами, синхронными письменному источнику; в этом смысле большую помощь оказывают данные археологии (в частности, керамические и нумизматические материалы) и античное изобразительное искусство разных жанров.

Хотя начало этнокультурных контактов Африки со странами Восточного Средиземноморья относится ещё ко II тыс. до н.э.⁵⁷, первые письменные свидетельства об Африке принадлежат Гомеру и ранней греческой поэтической традиции и отличаются известной расплывчатостью и мифолого-легендарным характером, прежде всего, разумеется, это относится именно к областям «Чёрной» Африки и «эфиопам». Только примерно с середины I тыс. до н.э. греческие письменные источники начинают фиксировать более определённые и реальные по характеру подробности антропологического и географического плана относительно африканских «эфиопов» и их стран.

Особенности развития греческой географической теории, достаточно смутно различавшей юг и восток, послужили причиной того, что, хотя, начиная с Геродота, считалось, что Эфиопия находится на юге, а Индия — на востоке, всё же в сознании многих они нередко смешивались. Тем не менее чаще всего всё-таки остаётся возможность определить, идёт ли речь